

ФИЛОСОФСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

С.Н. Корсаков

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП «ДЕЛА» З.Я. БЕЛЕЦКОГО (архивная публикация)

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН, 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: snkorsakov@yandex.ru

Все авторы, писавшие о Белецком до сих пор, начинали с самого письма Белецкого Сталину. В данной статье выясняется предыстория, причины написания этого письма. Публикуется стенограмма обсуждения взглядов Белецкого в Институте философии в 1943 г. В результате обсуждения Белецкий, который десять лет был секретарем парткома Института, был уволен как несостоятельный сотрудник, перешел на философский факультет и написал письмо Сталину, которое имело далеко идущие последствия. В ходе дискуссии, имевшей место в 1943–1944 гг. в Институте философии АН СССР, обсуждался вопрос об оценке немецкой классической философии, а также о том, считать ли ее одним из теоретических источников марксизма или предтечей нацистской идеологии. С подачи З.Я. Белецкого и санкции Сталина была закреплена ложная интерпретация немецкой классической философии, что сопровождалось деструктивными административными решениями и затруднило развитие историко-философской науки в стране.

Ключевые слова: Белецкий, советская философия, сталинизм, Институт философии, философский факультет МГУ

В философской литературе последних лет неоднократно обращались к письму профессора МГУ Зиновия Яковлевича Белецкого Сталину о третьем томе «Истории философии». Оно послужило поводом для замены в 1944 г. руководства Института философии АН СССР, философского факультета МГУ и журнала «Под знаменем марксизма». С третьего тома «Истории философии» была снята Сталинская премия. Большинство публикаций о «деле» Белецкого носит мемуарный характер¹. Существует несколько исследовательских ра-

¹ *Бирюков Б.В., Верстин И.С.* Идеологические события сороковых годов прошлого столетия и проблема русского национального сознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2005. № 3. С. 69–91; Интервью с А.М. Ковалевым // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2002. № 4. С. 3–24; Интервью с В.Ж. Келле // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2002. № 2. С. 3–14; Интервью с Т.И. Ойзерманом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2004. № 6. С. 40–61; *Келле В.Ж.* Попытки будить мысли студентов не прошли безнаказанно // *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР: 1940–1960-е годы. СПб., 2008. С. 305–307;

бот с привлечением архивных источников². Но во всех этих работах рассказ начинается непосредственно с самого письма Белецкого Сталину. Письмо Белецкого звучит как «пистолетный выстрел» в истории советской философии. Привлечение новых архивных документов позволяет выяснить предысторию и причины написания этого письма, серьезно изменившего ситуацию в советской философии.

Кем был Белецкий в 1943 г.? Какова была ситуация с оценками немецкой классической философии советскими философами в первый период войны?

К 1943 г. З.Я. Белецкий почти десять лет работал старшим научным сотрудником Института философии АН СССР и был секретарем парткома Института. По совместительству он служил профессором на философском факультете МИФЛИ – МГУ. Он был одним из влиятельных людей в советской философии того времени.

В 1941 г. Белецкий вместе с другими сотрудниками Института уехал в эвакуацию в Алма-Ату. Было сформировано Алма-Атинское отделение Института. Важнейшей задачей, которая стояла перед сотрудниками Института философии, было написание третьего тома «Истории философии». В этом томе, в частности, рассматривалась немецкая классическая философия.

Директор Института П.Ф. Юдин, который оставался в Москве, написал 6 марта 1942 г. коллегам в Алма-Ату о необходимости ускорить работу над этой книгой. При этом он политически ориентировал сотрудников, так как был в курсе настроений, имевших место в ЦК ВКП(б), отслеживал их и стремился идти в фарватере генеральной линии партии. Юдин писал: «Хотелось бы несколько слов сказать о работе над третьим томом “Истории философии”. Этот том посвящен немецкой философии. А в современных условиях несколько по-другому ставится вопрос об отношении к наследству буржуазной философии, исходящему из Германии. Надо не только повернуть классиков философии против фашистов, но и поискать у них объяснения тому факту, что не какая-либо другая страна, а Германия явилась родиной столь омерзительной идеологии и разбойничьей политической системы, какой является гитлеризм. Германский фашизм – явление не случайное. В истории германской общественной мысли, в истории немецкой культуры были элементы, которые исторически подготовили немцев к восприятию звериной, человеконенавистнической фашистской идеологии»³.

Далее Юдин называет Ницше, связывая с ним усиление реакционной струи в духовной жизни Германии. П.Ф. Юдин «звезд с неба не хватал», как однажды высказался о нем Сталин, но все-таки слушал в молодости лекции Деборина о немецких классиках. Поэтому он, по крайней мере, ориентировался в истории философии. Он чувствовал, что от Сталина исходит запрет

Кессиди Ф.Х. О феномене З.Я. Белецкого // *Филос. науки.* 1997. № 2. С. 85–97; *Ойзерман Т.И.* Советская философия в середине 1940-х – начале 1950-х годов // *Человек.* 2007. № 2. С. 50–62; № 3. С. 72–84.

² *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Дело профессора З.Я. Белецкого: эпизод из истории советской философии // *Свобод. мысль.* 1993. № 11. С. 87–102; *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы: Почему был запрещен третий том «Истории философии» // *Вестн. РАН.* 1993. № 7. С. 628–639; *Есаков В.Д.* К истории философской дискуссии 1947 года // *Вопр. философии.* 1993. № 2. С. 83–106; *Корсаков С.Н.* Деканы философского факультета МГУ: библиограф. очерки // *Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: страницы истории.* М., 2011. С. 11–320; *Косичев А.Д.* Философия. Время. Люди. 2-е изд. М., 2007; *Павлов А.Т.* Профессиональное философское образование в Московском университете // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия».* 2005. № 1. С. 3–23.

³ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 117. Л. 6–7.

на проработку темы взаимосвязи немецкой философии и нацистской идеологии. Но он не мог помыслить себе такой вариант интерпретации немецкой классической философии, при котором ответственность за проповедь иррационализма в философии и легитимизма в политике возлагалась бы на Канта или Гегеля.

Соответствующим образом он ориентировал своих сотрудников. В публикациях журнала «Под знаменем марксизма» этого периода отчетливо видна определенная линия отношения к немецкой философии. С одной стороны, выявляются духовные предтечи нацизма (Лагард, Ницше)⁴, с другой стороны, ведется борьба «за» немецких классиков, против нацистской интерпретации их философии. Кое-какие пассажи, например, из «Речей к немецкой нации» Фихте вполне могли получить разные трактовки. Но советские философы показывали «невозможность согласовать действительный смысл всех этих положений Фихте с фашистской идеологией»⁵. Сказанное относится и к трактовке других немецких классиков в советской философской литературе первого периода войны.

Могли ли советские философы занять какую-то иную позицию в этом вопросе? Если они хотели оставаться в рамках логики и историзма, то, конечно, не могли. Кроме того, избранная линия оценок немецкой философии была согласована с марксистской идеологией. Советские философы прекрасно помнили высказывания классиков марксизма о «немецкой теории французской революции» и ориентировались на положение о том, что немецкая классическая философия – один из теоретических источников марксизма.

Авторы «Истории философии» посылали свои статьи из Алма-Аты в Москву. Предварительно статьи обсуждались коллегами по отделению. В ходе обсуждения рукописей третьего тома «Истории философии» в Алма-Атинском отделении Института философии неожиданно разгорелись острые споры о характере немецкой классической философии. Со своей версией выступил и З.Я. Белецкий. Белецкий, конечно, слышал что-то о Шопенгауэре и Ницше, но вряд ли подозревал о существовании немецких иррационалистов Якоби, Гамана, Лагарда. Из-за своего непрофессионализма он просто не мог судить о борьбе течений в немецкой философии. И заявил декларативно, что немецкая классическая философия в лице Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля – это аристократическая реакция на Французскую революцию и один из источников нацистской идеологии. В условиях войны с немецкими нацистами подобное утверждение могло иметь далеко идущие последствия для всей идеологической сферы. Середины здесь быть не могло: *или немецкая классическая философия – теоретический источник марксизма, или она – питательная среда нацистской идеологии.*

Подготовкой «Истории философии» к печати руководил заведующий сектором истории философии Института Б.Э. Быховский. Весной 1942 г. Быховский был вызван из Алма-Аты в Москву и в августе 1942 г. обеспечил сдачу тома в печать. Вышла книга в 1943 г. Б.Э. Быховский выступил активным защитником традиционных оценок немецкой классической философии и последовательно провел их в третьем томе. Вопрос этот настолько «задевал» Быховского, что он посвятил ему почти все свое выступление на защите док-

⁴ Быховский Б.Э. В поисках предков (фашизм и Лагард) // Под знаменем марксизма. 1942. № 5–6. С. 131–139; Быховский Б.Э. Ницше и фашизм // Под знаменем марксизма. 1942. № 8–9. С. 112–124.

⁵ Асмус В.Ф. Фихте действительный и фашистский миф о Фихте // Под знаменем марксизма. 1942. № 7. С. 60.

торской диссертации Г. Лукача «Молодой Гегель», которая прошла в Москве в Институте философии 29 декабря 1942 г. Быховский был здесь одним из официальных оппонентов. Выступление Быховского на защите докторской диссертации Лукача дает нам как бы срез дискуссии о немецкой классической философии в 1941–1942 гг.

Бегло дав самые высокие оценки диссертации Лукача, Быховский перешел к тому вопросу, который его непосредственно волновал. В этой аудитории все были с ним согласны, и тем не менее все выступление он продолжал полемизировать с заочным оппонентом. Быховский заявил, что фашисты ведут свое идейное начало из немецкой мистики и романтизма, а не из Гегеля. «Намечая линии происхождения двух борющихся в настоящее время непримиримых лагерей, мы должны ясно видеть, что фашистская идеология ведет свое происхождение не от линии классического немецкого идеализма, а от линии Якоби, Шопенгауэра, Кьеркегора и реакционной романтики, – говорил Быховский. – На этой мусорной свалке, на этой выгребной яме истории философии вырастает то, что фашисты называют своей философией. К сожалению, у нас находятся такие воинствующие невежды, которые считают возможным доказывать, что необходимо подвергнуть ревизии основоположения марксистской истории философии и отказаться от законной гордости, с которой Энгельс говорил о классической немецкой философии. Если послушать этих людей, то выходит, что фашизм не ядовитый продукт империализма, а имеет глубокие исторические корни и историко-философские корни. Вся аргументация этих недорослей от философии основана на том, что эти люди не знают истории философии вообще и немецкой философии в частности, и для них идейными предшественниками фашизма могут быть только Кант, Фихте и Гегель, так как никаких других деятелей в истории философии они не знают, хотя и до Канта и во время Канта и после него было сколько угодно черносотенных писателей и мракобесов, от которых действительно и заимствует свои скудные и реакционные идейки фашистская идеология»⁶.

В феврале 1943 г. было принято решение о выезде из Алма-Аты к месту постоянной работы в Москву сотрудников Института философии. В апреле 1943 г. они прибыли в Москву. Вернулся в стены здания на Волхонке, 14 и З.Я. Белецкий.

13 июня 1943 г. в Институте проходила обычная аттестация сотрудников. В данном заседании заслушивался отчет Белецкого. Вместо решения текущего процедурного вопроса произошел настоящий ожесточенный идейный бой между Белецким и всеми остальными участниками заседания. Коллеги, особенно знатоки диалектики Б.Э. Быховский и М.М. Розенталь, обвинили Белецкого в непрофессионализме, в незнании истории философии, в игнорировании указаний классиков марксизма-ленинизма о роли и значении немецкой классической философии. Решение аттестационной комиссии было не в пользу Белецкого.

Вскоре Белецкий как не представивший в срок диссертации⁷ был уволен из Института философии и перешел на постоянную работу на философский факультет МГУ. Знали бы Юдин и его коллеги, чем для них обернется это решение! Они бы оставили Белецкого в покое, аттестовали бы его. Едва ли он изложил бы свои взгляды в печати. Споры скоро сошли бы на нет. А философы сохранили бы и свои должности, и нормальную рабочую атмосферу в Институте и в советской философии в целом. Но случилось иначе.

⁶ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 118. Л. 2-об.

⁷ Он ее так никогда и не написал.

Белецкий обладал непомерным самомнением, обостренно воспринимал любую критику в свой адрес. И вот его, многолетнего секретаря парткома Института философии, попросту выставили за дверь, публично ославив как невежду. Белецкий решил написать письмо Сталину.

Сталин обратил внимание на мнение Белецкого, считая возможным его использовать, как он уже проделал это в других сферах с Лысенко, Лепешинской, Мехлисом, Мишаковой, Тимашук. Он решил поддержать Белецкого против «больших ученых». Сказалась и давняя неприязнь вождя к Гегелю, сложившаяся со времен лекций Я.Э. Стэна о гегелевской диалектике, выразившаяся также в том, что за четыре месяца до смерти Сталин говорил своим приближенным идеологам, что в философии нечего «увлекаться единством противоположностей, это гегельянская терминология»⁸.

Мы не располагаем свидетельствами о том, как принималось решение по письму Белецкого в 1944 г. Но есть рассказ об обсуждении 23 декабря 1946 г. в кабинете Сталина второго письма Белецкого. Белецкий в своем втором письме выступал против аполитичных трактовок истории философии в книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» и в целом – против ослабления партийности в работах большинства руководителей «философского фронта». На заседании присутствовали выдвиженцы и сторонники Александрова, его заместители по Управлению пропаганды и агитации ЦК М.Т. Иовчук и П.Н. Федосеев, которые всячески старались провести мысль, что письмо Белецкого не заслуживает внимания и что так же считает и вся советская философская общественность. Но Сталин решил иначе.

Под конец беседы тов. Сталин заговорил о письме проф. Белецкого, полученном им:

– Если уже человек вынужден был писать мне, когда я был в отпуску, значит, уже был доведен до крайности...

По поводу преследований проф. Белецкого тов. Сталин сказал:

– Нам нельзя бросаться людьми...

И еще, опять же в связи с разговором о Белецком, после характеристики Белецкого тт. Иовчуком и Федосеевым как человека не «позитивного», не способного к положительной работе, а только способного критиковать, тов. Сталин добавил:

– Неряха, но человек думающий...

Тов. Сталин, говоря о письме Белецкого, отметил, что автор его хотел бы подискутировать по поводу книги т. Александрова.

– Разрешим мы такую дискуссию? – поставил вопрос тов. Сталин сначала перед секретарями ЦК тт. Кузнецовым и Патолычевым, а затем перед заместителями начальника Управления пропаганды и агитации тт. Иовчуком и Федосеевым. Секретари ответили положительно на этот вопрос. Тоже вынуждены были нехотя согласиться с этим и заместители⁹.

Надо полагать, что примерно так же решался вопрос и по первому письму Белецкого в 1944 г. Сталин посчитал правомерными все оценки немецкой классической философии, придуманные Белецким. Вышло Постановление ЦК ВКП(б), в котором говорилось, что эта философия – аристократическая реакция на французскую революцию и предтеча нацистской идеологии. Все, кто сопротивлялся этим нелепым формулировкам, поплатились. Были сняты с занимаемых должностей директор Института философии АН СССР П.Ф. Юдин, главный редактор журнала «Под знаменем марксизма» М.Б. Митин, декан философского факультета МГУ Б.С. Чернышев. Поплатились

⁸ Сталин И.В. Соч. Т. 18. Тверь, 2006. С. 589.

⁹ Мочалов В.Д. Беседы с идеологами // Сталин И.В. Соч. Т. 17. Тверь, 2004. С. 637.

своими должностями и Б.Э. Быховский и другие участники заседания от 13 июля 1943 г. (В.Ф. Берестнев, М.М. Розенталь). С третьего тома «Истории философии» была снята Сталинская премия.

28 июня 1944 г. в Институте философии АН СССР состоялось расширенное партийное собрание, посвященное «недостаткам и ошибкам» в работе Института. Новый директор Института В.И. Светлов заявил, что третий том «Истории философии» «оказался недоброкачественным». В нем «смазаны» реакционные стороны немецкой классической философии, «приукрашены» философские системы Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, «затушевывался и отрицался тот факт, что немецкие фашисты использовали реакционные взгляды немецких философов». Основным виновником был назван Быховский, который при «попустительстве» Юдина будто бы «самовластно распоряжался» в Институте¹⁰. Критике подвергся бывший декан философского факультета МГУ Б.С. Чернышев, написавший в «Истории философии» раздел о логике Гегеля. Чернышев вынужден был выступить на собрании, перенервничал и через месяц умер. Быховский как человек более опытный в политическом отношении ритуально каялся, как того требовали правила игры в сталинской системе. Место в Институте философии он потерял и преподавал потом в Институте народного хозяйства им. Плеханова. Белецкий после этой истории надолго забрал в свои руки власть на философском факультете МГУ. Но это, как теперь говорят, уже совсем другая история. С ее перипетиями и списком соответствующей литературы читатель может ознакомиться в нашем очерке о деканах философского факультета МГУ в книге «Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова: страницы истории» (М., 2011).

Предлагаем вниманию читателей стенограмму заседания дирекции Института философии, на котором рассматривался вопрос о Белецком¹¹.

ПРОТОКОЛ № 9

ЗАСЕДАНИЯ ДИРЕКЦИИ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

от 13 июня 1943 года

Присутствуют тт. Юдин, Розенталь, Быховский, Берестнев, Кольман, Максимов, Белецкий, Трофимов, Таванец, Смирнова, Лукач.

Повестка дня:

1. Отчёт о работе т. Белецкого.
2. Текущие дела.

1. СЛУШАЛИ:

Отчёт о работе тов. Белецкого

Тов. Белецкий говорит, что его отчёт будет фактически не за первое полугодие 1943 года, а отчётом за последние два года, а также отчётом за всё время работы в Институте.

За время работы в Институте в целом написано значительное число работ, но опубликовано немного. Для «Философского словаря» написан весь биологический отдел, раздел о законах и чертах диалектики, в общем для Словаря написано около 15

¹⁰ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 146.

¹¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 122. Л. 14–22.

листов. Написана глава для учебника по истории познания, глава для книги по диалектическому материализму. К сожалению, ни одна из указанных работ опубликована не была. Кроме производственной работы, из года в год приходилось выполнять общественную работу в качестве секретаря парторганизации, которая не содействовала научной деятельности.

Тов. ЮДИН¹²: Неверно противопоставлять партработу научной деятельности.

Тов. БЕЛЕЦКИЙ: Эту работу я нёс на себе один. За последнее время работаю над произведением по немецкой философии, в котором рассматриваю философию Канта, Фихте, Гегеля, Шопенгауэра, Гартмана, Ницше. Работа в целом состоит из десяти печатных листов, а в сокращённом виде – семи печатных листов.

Тут, вероятно, встанет вопрос: почему я взялся за эту работу? Вопрос о немецкой классической философии – важный интересный вопрос, и поэтому следует обратить внимание на него не вообще, а *по существу*: какую роль сыграла и какое значение для Германии имела немецкая классическая философия. Эта постановка может определить, во-первых, какую роль для определённого времени сыграла эта философия и, во-вторых, как исторически она подготовлялась и складывалась. Надо посмотреть на эту идеологию со стороны исторической и политической. Эта сторона вопроса меня заинтересовала, и я решил подойти к рассмотрению этого вопроса. Здесь я встретился с целым рядом положений – как рассматривать эту философию? Эта философия имеет два этапа. Первый этап характеризуется тем, что Кант, Фихте и Гегель в какой-то мере приветствовали радикальные общественные движения, но это продолжалось очень недолго. На втором – основном – этапе развития немецкой классической философии мы встретились с ярко выраженной её реакционностью. Опорой для всякой философии во всякое время является конкретная историческая действительность. Во второй период немецкой классической идеологии передовые идеи, воспринятые у французских материалистов, преломились через немецкую конкретную действительность. Развитие философии приняло характер определённой эпохи, среды, времени, в частности революционные идеи, воспринятые немецкой классической философией, были отброшены, восторжествовали реакционные идеи.

Основное внимание мы должны сконцентрировать: 1) на выявлении смешения этих двух этапов в развитии немецкой классической философии; и 2) я считал необходимым сформулировать следующее положение: немецкий классический идеализм выразил прусский путь развития капитализма. Я могу только радоваться, что этот вывод сейчас уже стал решённым и не вызывает никаких возражений. Второй вывод, который я сформулировал: немецкий классический идеализм ведёт к немецкой социал-демократии, к меньшевизму. И эта точка зрения сейчас тоже не вызывает споров.

Меня интересовал вопрос: каким образом, *по существу*, в немецкой классической философии идеологически подготовлялся этот прусский путь развития капитализма. Я рассмотрел философию Канта, Фихте, Гегеля. В чём, в каких идеях и принципах – эта подготовка? Возможно, я недостаточно исследовал этот вопрос. Соглашаюсь, что здесь у меня могут быть неточные формулировки, но я думаю, что сегодня необходимо показать: каким образом немецкий классический идеализм выработал эти тенденции прусского типа развития капитализма. Одним из своих выводов я сделал то, что за время революции, за время нашей самостоятельной работы мы мало сделали по раскрытию того, что в немецкой философии было по существу рациональным.

Гегелевский метод считается революционным. Но в чём же конкретно «рациональное зерно» этого метода? В какой мере гегелевская логика может быть нами воспринята? Что же из гегелевской логики можно взять и чего нельзя взять? Логика или метод? Различные высказывания классиков по этому вопросу надо ещё раскрыть. Мы в достаточной степени не исследовали всё это. Я в своей работе коснулся и этого вопроса.

Мы должны заняться изучением того, чем был немецкий классический идеализм по отношению к своей эпохе.

¹² Юдин Павел Федорович (1899–1968) – директор Института философии АН СССР.

Вот вкратце вопросы, которых я касался в своей работе.

В заключение считаю целесообразным услышать замечания *по существу* поставленных мною проблем.

Тов. ЮДИН: Будут ли вопросы или приступим к обсуждению работы т. Белецкого? Кто желает высказаться?

Тов. РОЗЕНТАЛЬ¹³: Тов. Белецкий поставил определённую цель, выраженную в самом заглавии его работы, которое гласит: «Роль немецкой философии в подготовке Германии к мировому господству». Задача Белецкого заключается в том, чтобы доказать, что не только реакционная философия в лице Ницше, Шопенгауэра и др., но и классическая философия была идеологией, подготовлявшей идеологию немецкого реакционного империализма, т. е. гитлеризма. По существу, Белецкий ставит вопрос о пересмотре взглядов Маркса, Энгельса, Ленина, давая свои оценки Гегелю, Канту и др. Белецкий считает, что от Канта до Ницше философия делала одно дело – немецкая философия идеологически подготавливала условия для осуществления господства германского империализма над всем миром. Как это делает Белецкий? Нужно прежде всего сказать о методе работы Белецкого. Этот метод абсолютно антинаучный, он ничего общего не имеет с марксистским методом. Белецкий ставит вопрос таким образом: была ли вызвана к жизни немецкая философия одним лишь чистым стремлением развить философскую науку или же какими-то практическими потребностями? Эта постановка вопроса не случайна. Автор этой постановки выставляет себя сторонником вульгарно и немарксистски понимаемой *практической потребности*. С точки зрения Белецкого, Гегель, Фихте, Кант «всё норовили в карман прусской буржуазии», т. е. создавали свои системы с одной лишь целью – оправдать шовинистические и захватнические цели германских реакционных классов. Белецкий говорит: «В новых условиях требовалось все понятия и представления подогнать *под потребности* нового времени». Отсюда, по Белецкому, диалектика и все положения немецкой классической философии были подогнаны под эту трактовку потребности. Белецкий пишет на стр. 22: «Учение немецкого классического идеализма об объективной закономерности и диалектический метод были созданы с единственной целью доказать возможность развития немецкой буржуазии по прусскому пути». Это типичная шулятиковщина. Ленин, как известно, высмеял Шулятикова.

Белецкий расправляется с диалектикой Гегеля. Он считает, что постановка вопроса Марксом и Энгельсом о гегелевской диалектике неверна. Белецкий говорит: «Но для Гегеля его диалектика имела подсобное значение. Она имела для него значение лишь как метод» (стр. 98). Кто знает хорошо Гегеля, тот знает, что Гегель считал диалектику *душой* всякой науки и системы. Белецкий расправляется с гегелевской диалектикой, когда говорит: «Гегель хоть и открыл диалектику как теорию развития, но он её использовал лишь в интересах конструкции своей логики. Логика же ему необходима была как способ научного доказательства истинности и необходимости развития абсолютной идеи к своему полному завершению в германском народе и в прусской монархии. Диалектика была направлена им не для того, чтобы отразить законы природы и общества, а для того, чтобы с её помощью можно было произвольно сконструировать связи и отношения как в природе, так и в обществе. Что же касается структуры гегелевской диалектической логики, то она подчинялась не объективному ходу истории, а субъективным целям и интересам германского государства». Но это абсолютно неверно, это извращение существа дела. Вспомним ленинскую формулировку, что Гегель угадал в движении понятий движение и развитие самой действительности. Белецкий настойчиво отрицает гегелевскую диалектику. Он говорит, что ни в одной стране люди не поняли сути гегелевской философии: «О гегелевской философии много написано и много сказано. Но, что замечательно, что никто никогда не считал себя уверенным, что он понял суть гегелевской философии. У каждого оставалось сомнение в правильности своей интерпретации Гегеля». По Белецкому получается, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не поняли сути гегелевской диалектики и что до сих пор марксисты бродят в потёмках по этому важному вопросу. Идеи, которые владеют Белецким, фатально загоняют его в тупик.

¹³ Розенталь Марк Моисеевич (1906–1975) – зам. директора Института философии АН СССР.

Перейду к вопросу о политической характеристике Белецким немецкой классической философии. Здесь есть противоречие. Оно не случайно. Белецкий говорит: «Классики немецкой философии – Кант, Фихте, Гегель – изображаются борцами за демократию, интернационализм и свободу. Такая точка зрения проводится т. Асмусом в его статье о Фихте». И далее, продолжает Белецкий, говоря о статье Асмуса: «Автор статьи стремится навязать читателю *нелепый* вывод, что наследниками философии Гегеля являются марксисты, материалисты». Но Белецкий забывает, что положение о том, что марксисты являются наследниками лучшего, что было в немецком классическом идеализме, является положением не Асмуса, а положением Энгельса и Ленина. И это положение не *нелепое*, как думает Белецкий, а абсолютно верное, доказанное. А во второй части своей работы (на стр. 10–11) Белецкий пишет: «Если говорить о философии немецкого классического идеализма, то обращает внимание, что в ней были выражены демократические черты буржуазии. Она говорила о свободе, гуманизме и равенстве. Следовательно, она развивалась под знаменем передовых идей и желаний народных масс». Здесь Белецкий под впечатлением критики первой части его работы метнулся в противоположную сторону. Он стал утверждать, что немецкая философия была выражением уже не буржуазии Германии, а народных масс. Это совершенно неверно. Никогда ни Гегель, ни Кант не были идеологами широких масс немецкого народа.

В чём же заключается политическая постановка вопроса Белецким? Белецкий считает, что нельзя сейчас ставить вопрос о противоречии между системой и методом гегелевской философии. На стр. 13 Белецкий пишет: «Историку философии невдомёк, что для Гегеля содержанием его философии является не метод, а система и что сейчас, следовательно, требуется от марксистского историка не болтать о противоречии между системой и методом в учении Гегеля, не повторять всем известных цитат из классиков марксизма, а раскрыть истинный смысл этой системы, являющейся, по счастливому выражению автора, “данью отсталой Германии”». Таким образом, Белецкий возражает против классиков марксизма по вопросу об основном, внутреннем противоречии гегелевской философии – противоречии между методом и системой.

Правильно ли говорить, что немецкая классическая философия выражает прусский тип развития капитализма? Неправильно. У Белецкого здесь нет никакого историзма. Вопрос о прусском пути развития капитализма встал только после 1848 года, а Белецкий считает, что ещё до кануна революции 1848 года уже Кант, Гегель и Фихте выработали теорию прусского пути развития капитализма.

Немецкая теория французской революции – это *суть* немецкой классической философии. Это классическое положение марксизма Белецкий игнорирует, отбрасывает, считая его неверным. В прямую противоположность Марксу и Энгельсу, Белецкий доказывает, что всё значение Гегеля сводится только к тому, что он был официальным теоретиком прусского монархического государства. Над такой точкой зрения зло посмеялся Энгельс в своём письме к Марксу. Энгельс писал Марксу: «К слову “Гегель” этот человек (Вильгельм Либкнехт) делает следующее примечание: “Более широкой публике известен как мыслитель, открывший (!) и прославлявший (!) королевско-прусскую государственную идею (!!!)”. Я ему задал за это хорошую трёпку и прислал для напечатания заявление, выдержанное при данных условиях в максимально мягких тонах. Этот дурак, для которого долгие годы любимым коньком было смешное противоречие между правом и силой, причём он на этом коньке развезжал так беспомощно, как пехотинец, посаженный на бешеную лошадь и запертый в манеж, – этот невежда имеет бесстыдство думать, что с таким человеком, как Гегель, он может разделаться одним словом “пруссак”, и при этом он ещё имеет наглость внушать публике, что я это сделал» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXIV. С. 333).

Последнее. Нелепо смешивать в одно Гегеля, Канта, Ницше, Гартмана, Шопенгауэра – это верх беспомощности. Белецкий пишет: «Для глубокого понимания политической и идейной сущности немецкого фашизма необходимо познакомиться с историческими условиями своеобразного развития Германии в XIX веке. Это сделать тем более необходимо, что все духовные и политические истоки гитлеризма

лежат в XIX столетии». Тут что ни слово, то ошибка. Глубоко ошибочно утверждать, что гитлеризм выводит свою звериную идеологию из великих достижений немецкой классической философии.

Генеральная идея всей работы Белецкого: *гитлеризм есть закономерный этап развития Германии с древнейших времён.*

Замечательно, что в этом, с позволения сказать, «марксистском» труде, претендующем на анализ идеологии самой реакционной *империалистической буржуазии*, нет ни слова об эпохе империализма, об общих корнях империализма, выражением которого является гитлеризм. Всё дело, оказывается, в специфических чертах *истории Германии*. Это не марксизм. Разве эти черты новой империалистической идеологии свойственны *только* Германии? Иррационализм, интуитивизм, мораль господ и рабов и т. д. – свойственны империалистической идеологии любой империалистической буржуазии с теми или иными оттенками и различиями. Гитлеризм – это наиболее разбойничий империализм. Без империализма нельзя понять гитлеризма.

При этом, разумеется, нельзя ни в коем случае игнорировать историю Германии, в которой, несомненно, имеются определённые корни современной немецкой действительности, которые так или иначе отразились в реакционных тенденциях немецкой классической философии.

Принимая во внимание приведённый выше разбор статьи т. Белецкого, т. Розенталя считает, что это антимарксистская, антинаучная работа.

Тов. КОЛЬМАН¹⁴: Белецкий поставил два вопроса: 1) о своей работе в Институте в целом и 2) об этой последней его работе в частности. Я считаю, что т. Белецкий – способный и думающий человек, но он работает медленно. Возьмём его работу над диссертацией. Эта работа уже давно должна быть закончена. Но он работает исключительно вдумчиво, скрупулёзно.

О последней работе т. Белецкого. Я считаю, что основная идея этой работы *правильна*. Может быть, имеются отдельные недостатки в формулировках, но в целом работа представляет *правильную* идею. Эта идея, правда, не является его собственностью, он только напомнил её. Эта идея: немецкая классическая философия, являющаяся корнем и одной из составных частей марксизма, имеет немало реакционного, если её рассматривать не односторонне. Я хочу высказать мнение вообще о любой философской системе – она не должна рассматриваться с той точки зрения, которую ей придаёт данный философ. Но нельзя также рассматривать любую философскую систему *только* с того узкого отрезка времени, в котором она жила. Так мы должны подходить и к этой системе. Прав т. Розенталь, когда говорит, что гитлеризм есть звериное выражение основных черт империализма, но идеи гитлеризма были подготовлены всем предшествующим ходом исторического развития. Белецкий исследовал вопрос, как немецкая философия подготовила настоящую гитлеровскую «философию». Частный вопрос: т. Розенталь, критикуя работу Белецкого, привёл пример с шулятиковщиной. Пример Розенталя хромает. Он говорит, что Белецкий опошляет историю философии. Но это неверно. Я же думаю, что отдельные неудачные формулировки Белецкого не могут служить основанием для отрицания его основных правильных положений. Розенталь даже себе противоречит. Учение Гегеля, его эффективная роль в ходе развития послужили обоснованием тех реакционных тенденций, которые господствуют в Германии. Основная идея Белецкого правильная и актуальная. Актуальная не только потому, что мы в данное время ведём войну с гитлеризмом. Эта философия не должна сбивать с объективного правильного пути. Актуальность этого вопроса в том, что в нашей философской литературе имели место перегибы в сторону переоценки Гегеля. Нужно вспомнить, что немецкая классическая философия играла колоссальную прогрессивную роль, но ни одна из её идей не вошла не в переработанном виде в марксизм. В этом как раз и состоит заслуга Белецкого. Поэтому я и считаю его работу положительной.

¹⁴ Кольман Эрнест Яромирович (1892–1979) – зав. сектором диалектического материализма Института философии АН СССР.

Тов. ЛУКАЧ¹⁵: Основной порок работы т. Белецкого – её неисторичность. Неисторичность постановки вопроса о прусском пути развития Германии. Работа ненаучная, во многих своих положениях противоречащая Марксу и Энгельсу.

(Тов. Лукач излагает своё мнение о работе Белецкого в соответствии с представленной им письменной рецензией).

Тов. БЫХОВСКИЙ¹⁶: Тов. Лукач вспомнил Роттака и Вельтера. Об этом не мешало вспомнить. Это буржуазные юристы. Произведение Белецкого полностью совпадает с определением роли Гегеля как прусского государственника Роттаком и Вельтером. Мы обсуждаем вопрос не о правильности работы Белецкого. Она в корне ненаучная, антимарксистская. Мы обсуждаем вопрос, в какой мере этой своей работой Белецкий доказал свою пригодность к научной работе. Я не считаю возможным дискутировать вопрос о так называемой теоретической концепции Белецкого. Мы имеем дело с совершенно неграмотной работой Белецкого.

Приведу примеры. Белецкий пишет: «Поведение немецкой буржуазии в первую половину XIX столетия носило не случайный характер, и оно вызывалось не только её экономической неразвитостью и политической отсталостью, сколько сознательным желанием укрепить феодальный общественный строй, приспособить его к новой обстановке». Далее: «Если говорить о философии немецкого классического идеализма, то обращает внимание, что в ней были выражены демократические черты буржуазии. Она говорила о свободе, гуманизме и равенстве. Следовательно, она развивалась под знаменем передовых идей и желаний народных масс...» «Таким образом, немецкий классический идеализм использовал разум не только как способ для доказательства необходимости всего существующего, но и как средство для познания человеком тех идеалов или законов, на основе которых бог создал мир...» «Теоретический разум должен быть подкреплён практической деятельностью...» «Немецкий классический идеализм (Гегель в особенности) сделал огромный шаг вперёд по сравнению со всей предшествующей философией, французским материализмом в частности, поскольку он указал на наличие объективных законов, лежащих в основе мира».

Количество таких примеров безграмотности Белецкого можно было бы значительно увеличить, но я считаю, что и приведённых достаточно, чтобы судить – грамотная эта работа или невежественная. Эта работа ненаучная и немарксистская. Я ставлю вопрос перед Дирекцией: 1) считать Белецкого непригодным к научной работе и отчислить его из Института и 2) послать эту работу в ВКВШ¹⁷ для рассмотрения и лишения Белецкого звания профессора.

Тов. СМИРНОВА¹⁸: С такой работой, в каком виде она представлена Белецким, встречаюсь первый раз. То обстоятельство, что человек работает давно и решился представить такую ученическую, неграмотную, непродуманную работу, говорит, что её автор не умеет связать концы с концами, что он совершенно беспомощен.

По существу работы: я решаюсь произнести здесь страшное слово «шулятиковщина». Речь идёт не только о неправильном понимании сущности немецкой классической философии. Если Шулятиков все философские системы рассматривал как орудие защиты и укрепления экономики господствующих классов, то у Белецкого выпадает даже экономика. У тов. Белецкого остаётся только государство, висящее в воздухе и находящееся вне исторического пространства. Белецкий говорит, что перед нами стоит задача по раскрытию и конкретизации ряда положений классиков марксизма в немецкой философии. Но это нужно делать не так, как Белецкий. В работе Белецкого я не нашла ни цельного представления о немецкой философии, ни определения её природы – как, в чём немецкая философия выражалась. Я нашла

¹⁵ Лукач Георгий Осипович (1885–1971) – старший научный сотрудник Института философии АН СССР.

¹⁶ Быховский Бернад Эммануилович (1898–1980) – зав. сектором истории философии Института философии АН СССР.

¹⁷ Всесоюзный комитет по делам высшей школы.

¹⁸ Смирнова Зинаида Васильевна (1913–2001) – старший научный сотрудник Института философии АН СССР.

лишь беспомощное изложение мыслей о немецкой классической философии. В данном случае материал выпирает и изложен он крайне нечётко, сумбурно. Работа стоит на крайне низком научном уровне и не является марксистской.

Тов. ТРОФИМОВ¹⁹: Прежде всего, я согласен с теми товарищами, которые выступали здесь с критикой работы Белецкого. С основными идеями Белецкого я был не согласен ещё в Алма-Ате во время его работы над той темой, когда я её ещё читать не мог, но когда идеи, выдвинутые т. Белецким, обсуждались товарищами Берестневым²⁰ и Адоратским²¹. Работу Белецкого я прочёл здесь, в Москве. Эта работа чудовишно преувеличивает место и роль идеи государства в философии Гегеля. Меня удивляет, что т. Кольман выступает здесь рьяным защитником работы Белецкого в то время, как она абсолютно неверна. С этой же защитой он выступил ещё в Алма-Ате. Работа Белецкого представляет из себя не научную работу, а выкидыш. В будущем надо практиковать обсуждение тезисов той или иной большой работы для того, чтобы работник института, в случае неверности тех или иных положений, выдвигаемых им в своей работе, не убивал массу времени и не получал зря государственные деньги, работая над изложением явно ненаучных, немарксистских и даже вредных положений.

Тов. БЕЛЕЦКИЙ: Над своей работой я много думал. От тех идей, которые я изложил в этой работе, я и сейчас не отказываюсь. Читать и критиковать легко и просто. Но я отстаиваю все положения, данные в моей работе.

Несколько частных замечаний. Тут товарищи, может быть, и имели основание меня критиковать. Я не против критики. Можно записать, что я решил эту задачу неудовлетворительно, но над этой темой нужно работать и дальше. Прусский путь развития оформился лишь после революции 1848 года, но отрицать, что немецкая классическая философия могла подготовить идейно прусский путь развития, – неправомерно. Что же касается приводивших письмо Энгельса 1870 года, то они хотели этим показать, что Белецкий – невежественный человек. Почему Быховский не поставил ни одного теоретического вопроса? Желание Быховского – дискредитировать меня. Быховский вырывает цитаты и неправильно их комментирует.

Тов. ЮДИН: Подобные заседания надо проводить и по другим вопросам. По существу работы Белецкого. Он сформулировал основной тезис – немецкая классическая идеалистическая философия идейно обосновала прусский путь развития германского капитализма. Этот тезис в той форме, как он предлагает его, неправилен. Принять этот тезис – это значит отказаться от взгляда, что немецкая классическая философия сыграла и революционную роль в истории развития немецкой философии. Глубокий порок философии Гегеля в том, что она пыталась реакционную систему свести к диалектическому методу. Этот порок отмечался Энгельсом и Лениным. Безусловно, что взгляды Гегеля сыграли и играют свою прогрессивную роль. Упор Белецкого на реакционность политических взглядов Гегеля, Канта, Фихте – ошибка. Его формулировки совершенно неприемлемы. Согласиться с тов. Белецким – это значит вместе с водой выплеснуть и ребёнка. Работа Белецкого грешит серьёзными отступлениями от исторической действительности. Он рассматривает и оценивает взгляды Канта, Фихте, Гегеля в целом, не считаясь с конкретной исторической действительностью. Перенести в современность то, что было в прошлом, – так всё можно вычеркнуть! Здесь был спор по некоторым вопросам об исторической роли классической немецкой философии в подготовке марксизма. Классическая немецкая философия являлась продолжением исторического развития и была вершиной человеческой мысли для своего времени. Дальнейший путь исторического развития и познания мог идти только к материализму. Было бы смешно, если бы стали утверждать, что всё, что высказано Гегелем, верно. Исчерпывающий ответ дал товарищ Сталин, когда сказал, что Маркс не просто взял, а переработал ге-

¹⁹ Трофимов Павел Сергеевич (1910–1971) – старший научный сотрудник Института философии АН СССР.

²⁰ Берестнев Владимир Фёдорович (1901–1977) – зам. директора Института философии АН СССР.

²¹ Адоратский Владимир Викторович (1878–1945) – академик АН СССР, старший научный сотрудник Института философии АН СССР.

гелевскую диалектику заново. Принятая Белецким точка зрения о том, что немецкая классическая идеалистическая философия отражала собою реакционный путь развития германского капитализма со всеми вытекающими отсюда последствиями, заставляет нас отдать и Гегеля, и Канта, и Фихте немецким фашистам. Мы их не можем отдать. Фашизм пройдёт, а Гегель останется, его будут изучать, и ни в какой мере его роль не может быть преуменьшена. Исторические корни гитлеризма: нелепо думать, что за десять лет Гитлер окончательно испортил немцев. В таком случае мы бы переоценили историческую роль Гитлера. Почва для этого была подготовлена. Корни этого надо искать в том, что, как говорил Ленин, «немецкий капитализм пришёл к столу яств, когда уже все места были заняты». Германский империализм был подготовлен предшествующим историческим развитием Германии. Ещё Герцен не случайно заявлял, что Германия стремится расширить свои границы до Урала, но эта попытка ей не удастся, она наткнётся на несокрушимую русскую силу.

Это не даёт нам основания переносить всё прошлое в настоящее. Ещё одно. Работа Белецкого наталкивает на то, чтобы более глубоко *исторически* поставить вопросы, связанные с немецкой классической философией. Работа написана на недостаточном научном уровне. Моё предложение сводится к следующему:

1) Отметить, что работа Белецкого написана на недостаточном научном уровне, недоработана, в ряде вопросов не находится в соответствии с исторической действительностью и расходится с оценками Маркса, Энгельса, Ленина.

2) Вопрос об оставлении т. Белецкого на работе в Институте философии оставить открытым до представления им докторской диссертации, т. е. до 15 августа с. г. **Тов. БЫХОВСКИЙ:** Своё предложение о направлении указанной работы Белецкого в ВКВШ я в данное время снимаю, но настаиваю на своём предложении о нецелесообразности оставления т. Белецкого на научной работе в Институте.

Тов. РОЗЕНТАЛЬ: Работа Белецкого немарксистская по методам, построению и т. д. Почему мы, обсуждая эту работу, не можем сделать оргвыводов?

Тов. МАКСИМОВ²²: Решение, предложенное т. Юдиным, можно принять. Вопрос о Белецком может быть решён по совокупности 15 августа. Диссертация, которую должен к этому времени представить Белецкий, явится показателем пригодности Белецкого к дальнейшей работе в Институте философии.

1. ПОСТАНОВИЛИ:

1. Отметить, что работа т. Белецкого расходится с исторической действительностью и оценками Маркса, Энгельса, Ленина.

2. Вопрос об оставлении т. Белецкого на работе в Институте философии оставить открытым до представления им докторской диссертации, т. е. до 15 августа 1943 г.

Тт. Розенталь и Быховский остаются при особом мнении: считая работу Белецкого ненаучной и антимарксистской, уволить т. Белецкого из числа научных сотрудников Института философии.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА: Юдин

Список литературы

Асмус В. Ф. Фихте действительный и фашистский миф о Фихте // Под знаменем марксизма. 1942. № 7. С. 48–60.

Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Дело профессора З. Я. Белецкого: эпизод из истории советской философии // Свобод. мысль. 1993. № 11. С. 87–102.

Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Советское философское сообщество в сороковые годы: Почему был запрещен третий том «Истории философии» // Вестн. РАН. 1993. № 7. С. 628–639.

²² Максимов Александр Александрович (1891–1976) – зав. сектором истории естествознания Института философии АН СССР.

Бирюков Б.В., Верстин И.С. Идеологические события сороковых годов прошлого столетия и проблема русского национального сознания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2005. № 3. С. 69–91.

Быховский Б.Э. В поисках предков (фашизм и Лагард) // Под знаменем марксизма. 1942. № 5–6. С. 131–139.

Быховский Б.Э. Ницше и фашизм // Под знаменем марксизма. 1942. № 8–9. С. 112–124.

Есаков В.Д. К истории философской дискуссии 1947 года // Вопр. философии. 1993. № 2. С. 83–106.

Интервью с А.М. Ковалевым // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2002. № 4. С. 3–24.

Интервью с В.Ж. Келле // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2002. № 2. С. 3–14.

Интервью с Т.И. Ойзерманом // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2004. № 6. С. 40–61.

Келле В.Ж. Попытки будить мысли студентов не прошли безнаказанно // *Фирсов Б.М.* Разномыслие в СССР: 1940–1960-е годы. СПб., 2008. С. 305–307.

Кессиди Ф.Х. О феномене З.Я. Белецкого // Филос. науки. 1997. № 2. С. 85–97.

Корсаков С.Н. Деканы философского факультета МГУ: библиографические очерки // Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова: страницы истории / Ред. А. Козырев. М., 2011. С. 11–320.

Косичев А.Д. Философия. Время. Люди. 2-е изд. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2007. 350 с.

Мочалов В.Д. Беседы с идеологами // *Сталин И.В.* Соч. Т. 17. Тверь, 2004. С. 617–637.

О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. // *Большевик*. 1944. № 7–8. С. 14–19.

Ойзерман Т.И. Советская философия в середине 1940-х – начале 1950-х годов // *Человек*. 2007. № 2. С. 50–62; № 3. С. 72–84.

Павлов А.Т. Профессиональное философское образование в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Философия». 2005. № 1. С. 3–23.

Сталин И.В. Соч. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. 785 с.

The initial stage of the Beletsky “case” (archival publication)

Sergey Korsakov

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: snkorsakov@yandex.ru

In the recent years there has been a growing interest among the historians of philosophy in the famous letter written to Stalin by Zinovy Beletsky, Professor of Moscow State University. It served as pretext for the replacement, in 1944, of the administration of the Institute of Philosophy of the Soviet Academy of Sciences, of the Faculty of philosophy of Moscow University and of the journal *Under the Banner of Marxism*. Third volume of the *History of Philosophy* was deprived of the Stalin prize. To this day anyone who wrote on Beletsky inevitably started with that same letter. The purpose of the present article is to exhibit the background of the appearance of that document and Beletsky's reasons for writing it. Transcript of the discussion of Beletsky's views held at the Institute of Philosophy in 1943 is published here for the first time. Following this discussion Beletsky, who had been Secretary of the Communist Party Committee of the Institute for ten years, was dismissed on the ground of poor performance. He then joined the Faculty of philosophy of Moscow University and sent his letter to Stalin, which had far-reaching consequences. One of the questions discussed during the 1943-44 debates at the Institute of Philosophy was the appraisal of the role of German clas-

sical philosophy: whether to consider it one of the theoretical sources of Marxism or a forerunner of Nazi ideology. On Beletsky's initiative and with Stalin's sanction a misleading and distorted interpretation of it became official and mandatory, which led to destructive administrative measures and greatly hampered the progress of history of philosophy in the Soviet Union.

Keywords: Z.Ya. Beletsky, Soviet philosophy, Stalinism, Institute of Philosophy, Faculty of philosophy of Moscow State University

References

Asmus, V. "Fihte dejstvitelnyj i fashistskij mif o Fihte" [Fichte valid and the Nazi myth of Fichte], *Pod znamenem marksizma*, 1942, no 7, pp. 48–60. (In Russian)

Batygin, G. and Devjyatko, I. "Delo professora Z.Ya. Belezkogo: epizod iz istorii sovetskoj filosofii" [The case of Professor Z. Belsky: episode in the history of Soviet philosophy], *Svobodnaya mysl'*, 1993, no 11, pp. 87–102. (In Russian)

Batygin, G. and Devjyatko, I. "Sovjetskoje filosofskoje soobscestvo v sorokovyje gody: Pocheme byl zaprescen tretij tom 'Istorii filosofii'", [Soviet philosophical community in the forties: Why was banned from the third volume of the 'History of Philosophy'], *Vestnik RAN*, 1993, no 7, pp. 628–639. (In Russian)

Birukov, B. and Verstin, I. "Ideologicheskie sobytijja sorokovyh godov proshlogo stoletija i problema russkogo nazionalnogo soznaniya" [The ideological events of the forties of the last century and the problem of the Russian national consciousness], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya Filosofiya*, 2005, no 3, pp. 69–91. (In Russian)

Byhovskij, B. "Nizshe i fashizm" [Nietzsche and fascism], *Pod znamenem marksizma*, 1942, no 8–9, pp. 112–124. (In Russian)

Byhovskij, B. "V poiskah predkov (fashizm i Lagard)" [Looking for ancestors (fascism and Lagarde)], *Pod znamenem marksizma*, 1942, no 5–6, pp. 131–139. (In Russian)

Esakov, V. "K istorii filosofskoj diskussii 1947 goda" [On the history of philosophical debate in 1947], *Voprosy filosofii*, 1993, no 2, pp. 83–106. (In Russian)

Kelle, V. "Intervju s V. Kelle" [Interview with V. Kelle], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 7: Filosofiya*, 2002, no 2, pp. 3–14. (In Russian)

Kelle, V. "Popytki budit mysl studentov ne proshli beznakazanno" [Attempts to awaken thoughts of students did not pass with impunity], in: B. Firsav, *Raznomyslie v SSSR: 1940–1960 gody* [Dissidence in the USSR: 1940–1960 centuries]. St.Petersburg: EGU Publ., 2008. pp. 305–307. (In Russian)

Kessidi, F. "O fenomene Z.Ya. Belezkogo" [On the Phenomenon of Z. Bielecki], *Filosofskie nauki*, 1997, no 2, pp. 85–97. (In Russian)

Korsakov, S. "Dekany filosofskogo fakulteta MGU: biobibliograficheskie ocherki" [Dean of Philosophy Faculty: Bio-bibliographic essays], *Filosofskij fakultet imeni M.V. Lomonosova: stranicy istorii* [Philosophy Faculty of Lomonosov Moscow State University: the pages of history], ed. by A. Kozyrev. Moscow: MSU Publ., 2011. pp. 11–320. (In Russian)

Kosichev, A. *Filosofiya. Vremya. Ludi* [Philosophy. Time. People], 2nd ed. Moscow: OLMA-PRESS Publ., 2007. 350 pp. (In Russian)

Kovalev, A. "Intervju s A. Kovalevym" [Interview with A. Kovalev], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 7: Filosofiya*, 2002, no 4, pp. 3–24. (In Russian)

Mochalov, V. "Besedy s ideologami" [Conversations with ideologists], in: J. Stalin, *Sochineniya* [Collected Works], vol. 17. Tver: Soyuz Publ., 2004. pp. 617–637. (In Russian)

Ojzerman, T. "Intervju s T. Ojzermanom" [Interview with T. Oizerman], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 7: Filosofiya*, 2004, no 6, pp. 40–61. (In Russian)

Ojzerman, T. "Sovetskaya filosofiya v seredine 1940 – nachale 1950 godov" [Soviet philosophy in the mid-1940 – early 1950 centuries], *Chelovek*, 2007, no 2, pp. 50–62; no 3, pp. 72–84. (In Russian)

“O nedostatках i oshibkakh v osvещenii istorii nemezkoj filosofii konza XVIII i nachala XIX vv.” [On the shortcomings and errors in reporting the history of German philosophy of the end of XVIII and XIX centuries], *Bolshevik*, 1944, no 7–8, pp. 14–19. (In Russian)

Pavlov, A. “Professionalnoe filosofskoe obrazovanie v Moskovskom universitete” [Professional philosophical education at Moscow University], *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 7: Filosofiya*, 2005, no 1, pp. 3–23. (In Russian)

Stalin, J. *Sochineniya* [Collected Works], vol. 18. Tver: Soyuz Publ., 2006. 785 pp. (In Russian)